

Интернет – правовая среда герменевтики

На основании гипотезы о сочетании в современном праве материальной и виртуальной составляющих, представляется видение права в качестве синтетической конструкции, объединяющей юридическую форму и правовую субстанцию. Появление информационного права и интернет-пространства, оказывает влияние как на понимание права в теоретико-правовой науке, так и на практику правотворческой и правоприменительной деятельности. С учетом неоднозначных подходов к пониманию толкования и герменевтики, а также определением их соотношения в системе инструментов правового познания, предлагается рассматривать интернет-среду в качестве объекта герменевтического анализа, позволяющего говорить об Интернете одновременно в инструментальном, коммуникативном и социально-культурологическом контексте.

The vision of law as a synthetic construction combining legal form and legal substance is based of the hypothesis about the combination of the modern law of material and virtual components. The emergence of information law and Internet impact on comprehension of rights in a theoretical and legal science and as well as practice of law-making and enforcement activities. Given the ambiguous understanding of interpretation and hermeneutics, as well as defining their relations in the system of instruments legal knowledge, the online environment is invited to consider as the object of hermeneutic analysis, allowing discussing about the Internet at the same time in instrumental, communicative and socio-cultural context.

Ключевые слова: глобализация, информация, интернет, коммуникация, правовое регулирование, материальное и виртуальное право, публичное и частное право, государственное регулирование, саморегулирование, правовая манипуляция.

Key word: globalization, information, Internet, communication, legal regulation, substantive and virtual right, public and private law, state regulation, self-regulation, legal manipulation.

Современный мир представляет собой сочетание различных по своим историко-временным показателям культурных срезов, взаимодействие которых в рамках глобализационных процессов определяется разнонаправленными тенденциями, задающими векторальные направления как партнерства, так

и конфликта цивилизаций. «XIX век называли веком производства, XX – веком управления, а XXI век по праву именуют веком информации»¹.

Переход от производственно-управленческих отношений к информационным означает фактическую революцию в системе социальных отношений. Виртуальное (информационное) право, если не вытесняет позитивное (вещное) право, то по крайней мере приобретает сопоставимое с ним значение, а это в свою очередь актуализирует ряд проблемных вопросов, связанных с соотношением юридической формы и правовой субстанции, права и государства, документального права и среды правовой коммуникации. Ответы на эти вопросы предполагают осуществление анализа соотношения материального и виртуального права, исследование особенностей понимания и осуществления интерпретационной деятельности в отношении вышеназванных сегментов правовой системы, а также определения места и роли интернет-пространства в системе герменевтического понимания правовой реальности.

К вопросу о соотношении материального и виртуального в современной правовой реальности

Современное право представляет собой сложносоставную конструкцию, объединяющую в качестве структурно-функциональных элементов юридическую форму (тело права) и правовую субстанцию (жизнь права).

Понимание формы, или если быть более точным, форм права используется для обозначения многочисленных средств и способов внешнего выражения материального (вещного) права, представляющего в облике многочисленных правовых текстов, несущих в себе юридически значимую информацию, правовых артефактов, а также организационных образований, осуществляющих целенаправленную профессиональную деятельность в сферах правотворчества и правореализации.

Правовая субстанция, несмотря на нематериальность, вполне реальна. В юридической науке много говорится о правовой политике, правовой ментальности, правовом сознании и духе, правовой культуре и правовом нигилизме. В конце концов само понятие правовой жизни предполагает наличие в материальном праве некоей специфической жизненной энергии, с наличием которой связывается эффективность правовой коммуникации.

В качестве виртуального права следует также рассматривать основополагающие правовые начала – принципы, а также средства, методы, инструменты, образующие юридическую технику и юридические технологии.

¹ *Городов О.А.* Информационное право: учеб. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. С. 3.

Соотношение материального и виртуального права актуализирует проблемы, связанные с определением первичности и соотношения выделенных сегментов. На наш взгляд, правовая субстанция представляется и первичной и приоритетной по отношению к правовой форме. Точно так же, как жизненная субстанция возникает раньше телесной формы, идея права предшествует ее законодательному закреплению. В свою очередь эффективность правовой нормы зависит не столько от закона, в котором эта норма получила свое внешнее выражение (хотя и преуменьшать значимость законодательных актов, безусловно, не следует), сколько от отношения к содержанию закона как со стороны законодателей, так и тех, к кому закон адресован.

Несмотря на первичность субстанционального (виртуального) права по отношению к материальному, в юридической науке и практике вплоть до последнего времени остается преобладающим подход, в рамках которого право вообще и правовое регулирование в частности рассматривается в контексте материалистического (позитивистского) правопонимания. При этом многочисленные рассуждения о плюралистических (интегративных) типах правопонимания носят сугубо теоретический характер и абстрагируются от правоприменительной практики.

Виртуальное право, представляя собой нематериальную форму воплощения правовой реальности, получает свое выражение в различного рода социальных коммуникациях: информационной, экономической, геополитической и т. п. При этом появление наднациональных коммуникационных пространств обуславливает снижение практического значения принципа государственного суверенитета и актуализацию сетевых систем социального взаимодействия и управления.

В сложившихся условиях интернет-пространство перестает выступать простым посредником между разноудаленными субъектами общественных отношений и становится коммуникационной средой, по своей социальной значимости, по крайней мере не уступающей сфере государственной юрисдикции.

Толкование. Интерпретация. Герменевтика: соотношение понятий

Язык, представляя собой коммуникационный контекст, формируется как за счет собственного словарного конструирования (пароход, самолет, тепловоз и т. п.), так и посредством заимствования иностранных слов, а также слов, используемых другими профессиональными языками (президент, республика, федерация и др.). Если провести сравнение смысловых значений слов «толкование», «интерпретация» и «герменевтика», рассматриваемых нами в качестве слов из *русского языка*, то нетрудно убедиться в их схоже-

сти. Современный толковый словарь русского языка (2004), дает следующие дефиниции:

«Герменевтика – истолковательное искусство; искусство и теория толкования текстов, первоначальный смысл которых неясен вследствие их древности или неполной сохранности»².

«Интерпретация – толкование, объяснение, разъяснение смысла, значения чего-либо»³.

«Толкование – понимание, объяснение чего-либо; интерпретация»⁴.

Следует подчеркнуть, что вплоть до последнего времени в «русском юридическом языке» в широком употреблении было одно слово – «толкование», которое достаточно успешно справлялось с возложенной на него функциональной нагрузкой и активно использовалось как в юридическом образовании и науке, так и в практике правоприменительной деятельности. Кстати, в дореволюционном русском языке, систематизированном нашим великим соотечественником В.И. Далем, слово «толковать» понималось в более широком, по сравнению с современным, смысле. Если в современном русском языке толкование производно от объекта (того, что толкуется, к примеру нормативного правового акта), то в далевском словаре «толковать, значит, рассуждать, переговариваться, беседовать, разбирать дело, советоваться, условливаться, объяснять, разъяснять, давать чему-либо толк, смысл, значение, выводить догадки и заключения свои»⁵. В качестве синонима к слову «толковать» применялось «толмачить (толмить) – переводить; толковать, объяснять, рассказывать подробно, внушать, заставить понять, взять в толк»⁶. В настоящее время это слово полностью вышло из употребления, а слово «толкование» значительно сузило смысловую сферу.

Включение в язык делового общения слова «интерпретация» можно объяснить стремлением к расширению словарного запаса, без изменения смыслового значения старого и нового терминов. Толкование можно называть интерпретацией, а интерпретацию толкованием. Произошло внедрение в русский язык иностранного (латинского) слова с оставлением собственно русского слова с той же смысловой нагрузкой. Похожий пример можно при-

² Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. С. 124.

³ Там же. С. 247.

⁴ Там же. С. 833.

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 650.

⁶ Там же. С. 651.

вести с использованием двух слов, используемых для обозначения одного вида летательных аппаратов – вертолет и вертолет.

Можно сделать вывод о том, что слова «толкование» и «интерпретация» в современном русском юридическом языке используются в качестве синонимичных, взаимозаменяемых конструкций.

Слово «герменевтика» имеет древнегреческое происхождение (*hermeneutike* – *истолковательное искусство; по имени бога Гермеса, выполнявшего, согласно древнегреческой мифологии, роль вестника и толкователя посланий богов людям*). Первоначально герменевтика представляла учение об истолковании текстов, преимущественно древних (в первую очередь библейских), понимание смысла которых затруднено вследствие недостаточной сохранности источников и дополняющих их сведений. Понимание достигалось последовательным раскрытием всех сопровождающих текст аспектов (от изучения языка и вскрытия намеков до анализа исторического контекста и психологических особенностей личности автора)⁷.

Как соотносятся между собой толкование и герменевтика и можно ли говорить об их смысловой тождественности? На наш взгляд, названные термины соотносятся как общее и частное, так же, как слова знание и наука. Любая наука основана на знании, однако далеко не всякое знание представляет собой науку. *Герменевтика – это особый вид искусства, творческий метод толкования текстов, в том числе и правовых*. Герменевтическое толкование осуществляется в отношении текстов, понимание которых сопряжено со значительными трудностями, связанными с неоднозначностью исходных и конечных позиций.

Если рассматривать герменевтику в качестве метода восприятия и оценки современного права, то ее следует отнести к инструментарию философии права. «Разрешение вопросов о сущности права, об отношении его к государству, к нравственности находится в зависимости от тех исторических условий, при которых эти вопросы ставятся»⁸. Посредством герменевтики осуществляется системное толкование права рассматриваемого в единстве публичного и частного, материального и процессуального, национального и международного. На понимание права в герменевтическом контексте оказывают влияние не только и не столько организационные и юридико-технические факторы, характеризующие правовую реальность, но и эконо-

⁷ URL: <http://www.persev.ru/germenevtika>

⁸ *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. СПб.: Лань, 2001. С. 30.

мические показатели, особенности национального менталитета, исторические традиции и т. п.

Сам факт включения слова «герменевтика» в русский язык наглядно демонстрирует стремление к расширению методологических оснований познания, в том числе в правовой сфере. Вместе с тем возникает реальная опасность «забалтывания» термина, и использования его не в связи с другими, по отношению к уже имеющимся средствам выяснения смыслов и сущностей текстуальных форм, а в связи с «притягательностью новизны ощущений» от использования еще одного не вполне понятного, но красиво звучащего слова. В качестве примера можно привести учебное пособие Н.М. Чепурновой и А.В. Серёгина *Теория государства и права*⁹, в котором авторы, судя по названию и содержанию главы «Юридическая герменевтика (толкование права)», практически отождествляют понятия «толкование» и «герменевтика». При этом, уделив собственно герменевтике чуть больше страницы в начале главы, и сделав глубокомысленный вывод о том, что «герменевтика, в настоящее время, представляет особый метод классической науки, позволяющий осмысленно толковать письменные источники, в том числе и правовые»,¹⁰ авторы в дальнейшем переходят на вполне «традиционные рельсы» и рассматривают именно толкование (интерпретацию), о герменевтике при этом вообще не упоминая.

Подход, предполагающий механическое внедрение иностранных слов в национальный/профессиональный язык, без наделения их собственной функциональной нагрузкой, не является для отечественной языковой традиции чем-то новым. Российское дворянство использовало для «внутрикорпоративного» общения французский язык, что должно было подчеркивать его (дворянства) элитарность и отличие от «серой массы». В настоящее время нередки случаи использования в устной и письменной речи иностранных слов в иностранной же транскрипции, призванных подчеркнуть оригинальность и нестандартность человека, их использующего¹¹. На наш взгляд, внедрение любой новации должно быть вызвано определенной необходимостью, убежденностью в том, что при помощи традиционных средств и методов современные и перспективные задачи решены быть не могут, либо их решение будет недостаточно эффективным. О том, что сама герменевтика, равно как и

⁹ Чепурнова Н.М., Серёгин А.В. *Теория государства и права: учеб. пособие*. М.: ЕАОИ, 2007.

¹⁰ Там же. С. 333.

¹¹ См.: Минаев С. *ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке*. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.

методы герменевтического анализа, синтеза, моделирования являются новыми для отечественной науки вообще и юридической науки в частности, свидетельствует то, что в Толковом словаре русского языка (1999), слово «герменевтика» отсутствует вообще¹². В современном русском языке герменевтика практически не имеет производных от него слов. Для сравнения в словообразовательном гнезде, образованном посредством модификации слова «толкование» можно выделить: толкование, толкователь, толковать, растолковать, истолковать, (был бы) толк, бестолковый и др. Иностранное слово «интерпретация» гораздо менее употребимо, соответственно и производных от него намного меньше: интерпретация, интерпретировать, интерпретатор.

Из сказанного прежде всего следует, что необходимо ценить и грамотно использовать тот словарный запас, который изначально содержится в нашем собственном «великом и могучем русском языке». «Размывание» языка – это размывание национальной культуры, являющейся основой народного и, как следствие, государственного единства. Конечно, не следует уподобляться ортодоксальным консерваторам, русофилам и славянофилам, патетически взывающим к необходимости «возврата к корням» и категорически не приемлющим все инонациональное и в первую очередь то, что идет с Запада. Современный мир развивается под воздействием глобализационных процессов, в рамках которых национальные государства приобретают все более и более открытый характер. Интеграция культур, народов, языков, политико-правовых систем является объективной реальностью, избежать взаимодействия с которой нельзя.

Таким образом, представляя собой вид правового искусства, герменевтика является новым средством юридического познания, открывающим новые перспективы и возможности в познании права как в его реальном (современном) состоянии, так и в исторической ретроспективе, а также в перспективном будущем.

Герменевтика не подменяет и не заменяет толкования права, так же как философия права не заменяет и не поглощает теорию права. Толкование права, представляя собой инструмент юридической техники, и в дальнейшем будет играть важнейшую роль в процессе прикладного правотворчества и применения права. Двуетадийной задачей, которую решает институт толкования (интерпретации), является уяснение и разъяснение воли законодателя, выраженной в нормативном правовом тексте. При этом толкование основывается

¹² См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

на презумпции правомерности и законности как действий законодателя, так и самого нормативного правового текста.

В свою очередь герменевтика призвана занять достойное место в методологическом аппарате философии права, являясь метатеорией правового бытия и в этом качестве формирующей идеалы и нормы новой, неклассической правовой науки.

Герменевтика характеризуется «отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий... В противовес идеалу единственно истинной теории, “фотографирующей” исследуемые объекты, допускается истинность (или по крайней мере допустимость и достоверность – прим. Р.Р.) нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания»¹³. Являясь одним из средств познания права, герменевтика неслучайно ассоциируется с искусством, «поскольку и то и другое стремится в чувственной форме изобразить невидимое»¹⁴. Посредством герменевтики смысловое значение правовой формы не только адаптируется к требованиям юридической практики, но преобразуется в правовое мировоззрение столь же разнообразное, сколь разнообразны правовые культуры и правовые ментальности.

При помощи герменевтики право исследуется как многомерная, динамически изменчивая социальная реальность (правовое бытие, правовая жизнь), подчиненная в своем функционировании общей цели: установлению и поддержанию общественного порядка, обеспечивающего сохранение и развитие общества в целом и каждого индивида в частности.

Понимание интернет-среды в контексте герменевтического анализа

Рассматриваемая в качестве объекта теоретико-прикладного познания интернет-среда может выступать и как информационная сфера правовой коммуникации, и как социально-правовое явление, восприятие и анализ которого неэффективны без углубленного проникновения в национально-культурную традицию, сложившуюся в том или ином социопространственно-временном континууме.

Если воспринимать Интернет в качестве специфической социально-технической системы, обеспечивающей удаленную межсубъектную коммуникацию, то среди ключевых юридически значимых проблем, возникающих в

¹³ Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992. С. 179.

¹⁴ Гумбольдт В. ф. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1986. С. 379.

связи с использованием сети Интернет, следует выделить три основных направления:

«- проблему юрисдикции отношений в сети Интернет;
- проблему ответственности информационных провайдеров (посредников);
- проблему разработки и реализации инициатив в сфере саморегуляции отношений в сети Интернет»¹⁵.

Рассматривая Интернет как юрисдикционное пространство, следует, прежде всего, определить его соотношение, с такими традиционными пространственными юрисдикционными сферами, как международное, национальное (государственное), корпоративное, индивидуальное право. Как уже отмечалось ранее, в настоящее время наблюдается заметное снижение социально-политической значимости государства и государственного суверенитета. Если в XIX–XX вв. национальные государства воспринимались в качестве закрытых административно-территориальных образований, сам факт нахождения в пределах которых, равно как и все виды информационного общения, находились под пристальным контролем со стороны государства, представленного многочисленными государственными структурами и представителями государственной чиновной бюрократии, то начиная со второй половины XX в., происходит своего рода «информационный взрыв», в буквальном смысле обрушивший государственные границы, сдерживающие информационные потоки и обусловивший формирование наднационального информационного пространства, ставшего основой для активизации разнородных и разноуровневых коммуникаций практически во всех важнейших сферах человеческого общения. В складывающихся условиях Интернет начинает играть роль основного инструмента коммуникации. Причем, выступая в качестве коммуникационной среды, Интернет является не только и не столько конструкцией, обеспечивающей «информационный сервис», сколько саморегулируемой системой, устанавливающей параметры внутрисистемного и межсистемного взаимодействия. Государство может «встраиваться» в интернет-отношения и определенным образом воздействовать на них, однако государство не может кардинальным образом повлиять ни на сами отношения, ни на субъектов (представителей интернет-сообщества), в эти отношения вовлеченных. Иными словами, государство, используя интернет-пространство и интернет-технологии, не может ни уничтожить их, ни придать им роль «по-

¹⁵ Наумов В.Б. Право и Интернет. Очерки теории и практики. М.: Кн. дом «Университет», 2002. С. 9.

слушных» и всецело прогнозируемых и контролируемых инструментов манипулятивного воздействия на сознание и поведение управляемых масс.

Говоря об ответственности информационных провайдеров, следует прежде всего акцентировать внимание на том обстоятельстве, что применительно к виртуальному праву вообще и интернет-среде в частности перестают работать традиционные критерии, характеризующие вещную собственность. Традиционно право собственности понимается в контексте триады владения, пользования, распоряжения. Появление и широкомасштабное внедрение в общественные отношения виртуальных институтов (прибавочной стоимости, интеллектуальной собственности, информационной коммуникации), обусловило качественную переоценку системы взглядов как на формально-содержательные характеристики общественных отношений, осуществляемых в отношении виртуальных объектов, так и на субъектов этих отношений. Провайдеры, обеспечивающие интернет-коммуникации, могут участвовать в этих коммуникациях, находясь практически в любой точке земного шара. При этом в плане общей теории права это могут быть как обладающие правосубъектностью физические и юридические лица, так и субъекты с частичной либо ограниченной право- и дееспособностью. Более того, в качестве провайдеров могут выступать субъекты, не скрывающие своей принадлежности к организованным преступным организациям¹⁶. Кроме того, в последнее время усилились взаимные претензии ряда государств, связанные с обвинением друг друга в «кибертерроризме», организацией и осуществлением которого занимаются представители государственных спецслужб.

Противодействие кибертерроризму за последнее время приобрело характер значимого направления международного сотрудничества. В рамках ООН и ее учреждений принят ряд международно-правовых документов по различным аспектам предотвращения кибертерроризма. В частности Совет Европы в 2001 г. принял Конвенцию «О киберпреступности», которую также подписали США и Япония. Конвенция определяет перечень преступлений, совершаемых в информационной сфере, против информационных ресурсов или с помощью информационных средств и признает их киберпреступлениями. Согласно Конвенции каждое государство-участник обязано создать необходимые правовые условия для предоставления следующих прав и обязанностей компетентным органам в борьбе с кибертерроризмом: выемку компьютерной системы, ее части или носителей; изготовление и конфиска-

¹⁶ См.: Боевики ИГИЛ опубликовали в Интернете видео казни американского журналиста. URL:<http://xitfilms.ru/kino/>

цию копий данных; обеспечение целостности и сохранности данных, относящихся к делу; уничтожение или блокирование данных, находящихся в компьютерной системе. Конвенция также требует создать необходимые правовые условия для того, чтобы обязать интернет-провайдеров проводить сбор и фиксацию или перехват необходимой информации с помощью имеющихся технических средств, а также способствовать в этом правоохранительным органам¹⁷. При этом рекомендуется обязать провайдеров сохранять полную конфиденциальность о фактах подобного сотрудничества. В течение 2001–2005 гг. Россия активно участвовала в разработке проекта Конвенции Совета Европы 2005 г. «О предупреждении терроризма» и первой ратифицировала ее 21 апреля 2006 г. Согласно Конвенции впервые в мировой практике подстрекательства к терактам, а также вербовка и подготовка террористов признаны преступлениями в большинстве современных правовых систем¹⁸.

Оценивая в качестве положительного сам факт юридической квалификации киберпреступлений и актов кибертерроризма, вместе с тем следует констатировать, что вплоть до настоящего времени государства не выработали общего подхода по противодействию вышеназванной форме информационно-правовой девиации, что в значительной степени затрудняет создание высокоэффективного механизма определения и осуществления юридической ответственности в отношении провайдеров, вовлеченных в данный вид криминальной активности.

Также достаточно проблемной продолжает оставаться сфера, связанная с разработкой и реализацией инициатив в области саморегулирования интернет-пространства. Решение данной проблемы непосредственным образом связано с пониманием особенностей соотношения и взаимного влияния институтов административного регулирования и корпоративного саморегулирования, что в свою очередь актуализирует вопросы соотношения публичного и частного права. Понимание государства традиционно относит его к «центру публичности», распространяющему свое властное влияние на всех, кто находится в пространственных масштабах государственной юрисдикции. При этом самоорганизующиеся и саморегулирующиеся субъекты являются саморегулируемыми настолько, насколько им это позволяет государство. Соответственно, частное право есть сегмент права публичного, а масштабы частного права и частной свободы всецело зависят от государственной воли.

¹⁷ См.: <http://www.studfiles.ru/preview/4645686/>

¹⁸ См.: Там же.

Появление в системе правового регулирования интернет-среды, означает качественное изменение управленческой концепции. На смену принципу иерархичности приходит принцип сетевого взаимодействия, обеспечивающий реальное равенство субъектов интернет-отношений, ограничиваемое исключительно их техническими возможностями и особенностями национально-культурной ментальности.

В заключение представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Современный мир представляет собой переходное состояние общественных отношений, в рамках которых наряду с материальным правом и вещными правовыми отношениями, все большее значение приобретает виртуальное право и основанные на его принципах отношения в сфере нематериальной правовой реальности. Интернет выступает одновременно и в качестве информационно-коммуникативной среды, и в качестве инструмента правовой коммуникации, и в качестве объекта правового регулирования.

В современной системе теоретико-правового знания наблюдается тенденция к отождествлению понятий «толкование», «интерпретация», «герменевтика». Если с синонимизацией категорий «толкование» и «интерпретация» можно согласиться, то говорить о герменевтике как о формально-юридическом толковании правовых текстов, на наш взгляд, нельзя. Выступая в качестве метода многостороннего интегративного анализа, герменевтика рассматривает правовую реальность как комплексную систему, в которой юридическая форма существует в неразрывной связи с правовой субстанцией, а тело права не может функционировать в отделенности от правовой жизни. Герменевтика исследует право как многозначную конструкцию, понимание которой допускает неоднозначность и дискуссионность высказываемых мнений, позиций и оценок.

Представляя собой объект герменевтики, интернет-среда рассматривается в качестве наднационального информационно-правового образования, подчиняющегося в своей организации и функционировании нормам и принципам, кардинально отличным от свойственной для системы государственного управления иерархии. При этом в качестве инициатора реформаторского преобразования системы Интернет выступают непосредственные участники интернет-отношений, в число которых наряду с традиционными правосубъектными лицами, могут входить лица с ограниченной и частичной правоспособностью, а также представители внеправовых организаций, в том числе организованных преступных сообществ.

Список литературы

1. Боевики ИГИЛ опубликовали в Интернете видео казни американского журналиста. – URL:<http://xitfilms.ru/kino/>
2. Городов О.А. Информационное право: учеб. – М.: ТК Велби, Проспект, 2007. – С. 3.
3. Гумбольдт В. ф. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1986. – С. 379.
4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 650.
5. Минаев С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.
6. Наумов В.Б. Право и Интернет. Очерки теории и практики. – М.: Кн. дом «Университет», 2002. – С. 9.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.
8. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – С. 124.
9. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высш. шк., 1992. – С. 179.
10. Чепурнова Н.М., Серёгин А.В. Теория государства и права: учеб. пособие. – М.: ЕАОИ, 2007.
11. Шершеневич Г.Ф. История философии права. – СПб.: Лань, 2001. – С. 30.